

дировать дело с Украиной, по крайней мере, временно, дожидая более благоприятной исторической обстановки. Мы дошли до последних пределов возможности. Боюсь, что послезавтра, если наши отряды, разбитые при Коренево, будут продолжать отступление, Курск будет занят немцами. То же грозит Севастополю, Воронежу и Ростову. Мы приехали заключать мир⁴⁴¹. Необходимо предупредить, чтобы немецкая армия, втянутая нашими отрядами, не продвигалась дальше... Вы отлично понимаете, насколько важно зафиксировать немецкое наступление раньше, чем Курск, Севастополь и Воронеж попадут в руки неприятеля...»

21 апреля (4 мая) Антонов-Овсеенко выехал в Москву. В Кремле он пытался доказать, что наступление на Харьков ещё может иметь успех и улучшить общее положение. Но Ленин и Троцкий солидаризировались с мнением Раковского. «Мне было предложено, – пишет Антонов-Овсеенко, – сложить командование и объявить вооружённую борьбу на Украине прекращённой».

Здесь же в Кремле им был издан последний приказ:

«Советским правительствам Украины и Донецкой рабочей республики.

Выполняя волю советской власти на Украине и в Донецкой республике, я, в течение двух месяцев, в меру своих сил, руководил борьбой советских украинских и донецких войск против немецко-гайдамацкого вторжения. Ныне советские войска отступили за рубежи Украины, как они определены третьим универсалом, и, согласно требования Брест-Литовского договора, подверглись разоружению со стороны советской власти Российской республики. Ввиду этого, в полном согласии с вами, заявляю о прекращении мною военных действий против немецко-гайдамацких войск и о сложении мною звания Верхов-

⁴⁴¹ Ранее, 16(29) апреля Антоновым-Овсеенко была получена следующая телеграмма: «Из Москвы, Кремля. Ростов н/Дону. Чрезвычайному комиссару Орджоникидзе для Антонова. Настоятельно прошу не вмешиваться в дело посылки парламентариев и помочь всячески скорейшей приостановке военных действий. Мирная делегация наша из Сталина, Раковского и Мануильского уже в Курске. Председатель Совнаркома Ленин».

ного главнокомандующего Южных республик. Выражаю уверенность в конечном торжестве рабочего класса и социальной революции.

4 мая 1918 года. Бывший Верховный главнокомандующий Овсеенко-Антонов».

Приказ немедленно отправили по телеграфу в войска. 27 апреля (10 мая) Главштаб Южных республик был расформирован. Территорию Украины на продолжительное время заняли австро-германские войска...

8.9. РОСТОВО-НАХИЧЕВАНСКАЯ ТРУДОВАЯ КОММУНА

На Дону Советская власть помимо чисто военных столкнулась и с нарастающими экономическими трудностями, которые, впрочем, поначалу не выглядели угрожающими. Все проводимые в Области «социалистические преобразования» свелись в основном к национализации банков и крупных промышленных предприятий, но почти не затронули аграрной составляющей.

Землю ни у казаков, ни у крестьян никто не отбирал. Частная торговля и даже мелкие закупочные конторы – посредники между городом и селом запрещены, как правило, не были⁴⁴². Во всяком случае, о недостатке продовольствия говорить поначалу не приходилось. Рабочие же и красногвардейцы получали гарантированное жалование, в том чис-

⁴⁴² «Для данной стадии русской революции, – говорил С.И. Сырцов 22 февраля (7 марта) на одном из первых заседаний Ростовского совета, – знаменательно единение мелкой буржуазии с пролетариатом... Мелкая буржуазия не вернётся крупной».

Впоследствии, помимо обвинений во «фракционной деятельности», ему припомнили и это высказывание. Видимо, при всём при том, этот человек ощущал, если не ответственность, то обеспокоенность за возможные последствия. И, по крайней мере, представлял, к чему может привести обрыв налаженных хозяйственных связей в аграрном крае, произведённый без слома старой экономической системы и построения новой.

Впрочем, совершать тактические ошибки, граничащие с преступлением и проводить политику ничем не оправданных массовых репрессий, которые, в конце концов, и спровоцировали восстание, это ему не мешало.

ле и за счёт контрибуций. И всё же недовольство, связанное с непрекращающимся падением уровня жизни, постепенно накапливалось.

И с первых же дней резкую критику действий Донревкома и Советской власти в целом развернули меньшевики. Любой партии, чтобы сохраниться как независимой политической организации, необходимо бороться за власть и завоевание симпатий народных масс. И, надо признать, в этот раз партия меньшевиков, даже и осознавая, чем грозит несогласие с новыми властями, не уклонялась от острых высказываний. Причём, для них использовались как печатные органы, так и трибуны сохранившихся выборных учреждений, в том числе и Совета. Критиковать большевиков и левых эсеров не составляло особого труда. Массовые репрессии, развал производства, разрушение экономических связей и невозможность в создавшихся условиях поддерживать правопорядок, неизбежно порождали глухой ропот.

Всё это в свою очередь вызывало раздражение у советских работников. Получив монополию на власть, они не стали прислушиваться к критике, а постарались поскорее уничтожить оппонентов. В большинстве случаев, политически, но случилось и физически.

13(26) марта произошло событие, послужившее отправной точкой для свёртывания сложившихся демократических норм в политической жизни Дона. В этот день состоялось заседание Ростово-Нахичеванского Совета. В кратком отчёте⁴⁴³ оно описано так:

«Перед открытием собрания Совета рабочих депутатов произошёл инцидент, характеризующий всю глубину пропасти, отделяющей две представленные в Совете группы.

Этот инцидент являлся логическим завершением всей предшествующей борьбы, в процессе которой определён и резко выделены две непримиримые политические линии.

Заклучался этот инцидент в том, что перед открытием со-

⁴⁴³ Приведён в сборнике «Борьба за власть Советов на Дону». Документ № 250.

брания на председательской трибуне одновременно появились два лица – гр. Смирнов, бывший председатель старого Совета, и т. Жук, председатель той революционной власти, которая создавалась в процессе революционной борьбы.

При каждой попытке т. Жука открыть собрание на меньшевистских скамьях поднимался невероятный шум и крики: «Долой Жука». Когда же г. Смирнов пытался занять председательское место, поднимался крик: «Долой изменников-соглашателей».

Долго продолжалась эта борьба, пока, наконец, г. Смирнов не был принуждён уступить большинству. Он сходит с трибуны и вместе со всей фракцией меньшевиков и правых социалистов-революционеров⁴⁴⁴ покидает зал заседания при громких криках: «саботажники», «предатели рабочего дела» и т.д. Собрание открывает т. Жук, который оглашает «Декларацию прав трудящихся» принятую на III Всероссийском съезде Советов, и предлагает выбрать президиум данного собрания⁴⁴⁵.

Этим дело не ограничилось. Через два дня на очередном собрании Совета⁴⁴⁶ С.С. Турло, выступая в качестве докладчика по вопросу об уходе меньшевиков и эсеров с предыдущего заседания, в частности, сказал следующее: «Сожалеть нам об их уходе на заседании не приходится. Скатертью им дорога. Нам нужно сожалеть лишь о том, что многие наши товарищи-рабочие идут за Гурвичами, Васильевыми, Петренковыми и им подобными лицами. Долг наш разъяснить нашим товарищам-рабочим пагубность их поведения и занятой ими позиции. Я уверен, что они перейдут в наш лагерь, но сделают они это не после наших красивых слов, а после того, как увидят нашу плодотворную работу... Время слов прошло, нужно немедленно, решительно и энергично приступить к делу. В Совете нет места саботажникам и соглашателям...»

Он же от имени большевиков и левых эсеров огласил декла-

⁴⁴⁴ Следует отметить, что меньшевиков и эсеров в Совет традиционно было избрано немало.

⁴⁴⁵ В президиум вошли только лишь большевики и левые эсеры.

⁴⁴⁶ Меньшевики и эсеры на заседание Совета прибыть не смогли, так как были остановлены охраной у входа.

рацию, непосредственно направленную на устранение меньшевиков и эсеров из политической жизни Дона⁴⁴⁷. Она была принята 132 голосами при 5 воздержавшихся.

Тут же 126 голосами при 9 воздержавшихся было принято предложенное Турло постановление, содержащее в себе указание о конкретных действиях:

«1. Собрание поручает исполнительному комитету выяснить в ближайшее время те учреждения мелкобуржуазного и буржуазного характера, которые имели представительство в Совете, и, основываясь на принятой декларации, лишить их представительства в Совете.

2. Выяснить те заводы и фабрики, где были выбраны меньшевики и правые эсеры, и произвести на них перевыборы».

Собравшиеся у входа представители бывших «революционных» партий передали в зал заседания заявление, в котором требовали их пропустить. Но собрание, практически, единогласно, при 12 воздержавшихся, высказалось против этого. Путь в Совет для меньшевиков и эсеров был заказан.

В последующие дни к травле подключился и аппарат вновь созданной Донской Советской республики. Был отдан ряд при-

⁴⁴⁷ В декларации было прописано следующее:

«1. Отныне управляет всеми делами в гг. Ростове и Нахичевани н-Д. Совет рабочих депутатов, который является органом местной власти.

2. В интересах устранения буржуазного влияния на советскую власть устраняется из Совета всякое непролетарское представительство. Все учреждения мелкобуржуазного и полубуржуазного характера лишаются права представительства в Совете рабочих депутатов.

3. Ради обеспечения власти трудящихся над эксплуататорами, для более успешного проведения диктатуры пролетариата в Совете рабочих депутатов не должно быть места соглашателям и саботажникам. В Совете рабочих депутатов должны быть только те партии, которые не на словах, а на деле борются за советскую власть.

4. Ростово-Нахичеванский Совет рабочих депутатов выражает свою уверенность в том, что лишь при соблюдении этих условий будет возможно осуществить твёрдую советскую местную власть, что только при таких условиях непоколебимо советской повсеместной власти пролетариат будет в состоянии разрешить те великие задачи, перед которыми его поставила история.

5. Ростово-Нахичеванский Совет рабочих депутатов твёрдо уверен, что только при полной поддержке революционного пролетариата удастся окончательно сломить упорство эксплуататоров и оправдать все чаяния и надежды трудящихся».

казов и директив, фактически запрещающий деятельность «контрреволюционеров» на территории Области.

Меньшевики сохранились, как партия, и пытались продолжать агитационную работу. Им даже удалось провести нескольких своих делегатов на съезд Советов Дона. Но говорить о каких-либо властных амбициях уже не приходилось. Оппонируя Войсковому правительству, выискивая в его действиях «отступление от демократии», предложить что-либо конкретное они не могли. С февраля 1917 г. они имели большинство в Советах, но, избегая резких движений, никак своё положение не использовали. Просто проживали дни. Пришло время уступить место на политической сцене другим, куда более деятельным и прагматичным и куда менее брезгливым.

При Каледине меньшевики и эсеры пребывали в тепличных условиях. Их права, в том числе, и на свободу слова, охраняло само Войсковое правительство. Теперь же речь шла о самом их существовании. И, рано или поздно, оно должно было прекратиться. Все понимали, это лишь вопрос времени.

Политическая оппозиция была раздавлена. Но экономическое положение от этого не улучшилось никоим образом. Напротив, ситуация медленно, но верно ухудшалась. Хозяйство было подорвано в главном: стимулы к производству во многом сводились к минимуму.

Всё это до поры не влекло за собой катастрофических последствий. Но с подходом немцев и началом выступлений казачества ситуация изменилась. В условиях, когда отряды повстанцев располагались, едва ли не на окраинах Ростова и Новочеркасска, подвоз продуктов стал небезопасен и резко сократился. Сыграли, в конце концов, свою роль и расстрелы, и сама возможность конфискации чего угодно и по любому предлогу, отпугнувшие, в конце концов, производителя⁴⁴⁸.

⁴⁴⁸ «В конце апреля, – пишет К.А. Хмелевский, – Донская республика оказалась в сложных и трудных условиях. Из-за саботажа и отсутствия достаточного количества сырья и топлива приостановилась работа ряда национализированных и взятых под рабочий контроль предприятий. В городах, особенно в Ростове, резко ухудшилось продовольственное положение».

Объяснение автором причин «трудных условий» диктуется временем

Перед властями замаячила вполне реальная угроза голода в городах. И в этих условиях советское руководство прибегло к последнему, остающемуся в её распоряжении средству.

5(18) апреля на общем собрании большевиков Ростова было принято решение поручить большевистской фракции Городского Совета поднять на заседании вопрос об организации в городе трудовой коммуны и добиться его решения.

10(23) апреля состоялось расширенное заседание Ростово-Нахичеванского Совета, совместно с фабрично-заводскими Комитетами и представителями партийных организаций большевиков и левых эсеров. Докладчиком по указанному вопросу выступал чрезвычайный комендант С.Ф. Васильченко, который, разъясняя цели и задачи создания коммуны, в частности, сказал: «Всё то, что имеется в данное время в складах, магазинах, всё то, что принадлежит каким-то Ивановым и пр., чего трудящийся не может иметь благодаря неимению средств и пользуется им буржуй, должно принадлежать всем жителям гг. Ростова и Нахичевани. Мы должны устроить общественные полезные работы и привлекать буржуазию к работе... Справедливость распределения продуктов даст возможность продержаться до осени, а осень даст нам свежие силы. Я, товарищи, призываю вас к коммуне».

Развернулись прения. Общее преобладающее настроение выразил выступивший в них Турло. «Мы приступили к оплате того векселя, – говорил он, – который мы давали массам в тече-

написания и идеологической направленностью. Если проявления саботажа и имели место, то они не могли играть, хоть сколько-нибудь значимой роли. Решающим фактором явилась сама национализация. Выстраиваемые десятилетиями хозяйственные связи оказались разрушенными. Зарплата рабочим поступала от контрибуций и так, зачастую, вне зависимости от количества изготовленной и реализованной продукции. Какой-либо заинтересованности в возобновлении остановившегося производства не наблюдалось. Наблюдалась естественная некомпетентность людей, перешедших от станков в директора и не имевших элементарных навыков управления предприятием. Масштабные реквизиции могли быть только разовыми. В самом скором времени накладывать контрибуции было уже не на кого, да и реквизировать нечего.

Но тот факт, что положение было действительно критическим, сомнений не вызывает.

ние года. Мы обещали им свободу, равенство и братство, и для того, чтобы они видели, что Соввласть даёт ему то, что он ждал от неё, мы должны объявить коммуну. Мы не говорим, что у нас будет рай, но каждый будет знать, что все одинаковы, что нет сытых или голодных, а что все или сыты, или голодны...»

Как видно, провозглашение коммуны не являлось простой сменой вывески. Оно предусматривало немедленное принятие таких мер, как обобществление и последующее равномерное распределение продуктов, введение трудовой повинности и общественных работ. Всё это существенно нарушало права и свободы граждан. Тем не менее идея организации коммуны была принята с энтузиазмом и возражений не встретила. В обстановке захлестнувшей город разрухи чудом уцелевших «каких-то Ивановых» были единицы, а подавляющее большинство ничего «в складах и магазинах» не имело.

В итоге, большинством голосов, при незначительном числе воздержавшихся, была принята резолюция, провозгласившая Ростов и Нахичевань трудовой коммуной⁴⁴⁹ и объясняющая не-

⁴⁴⁹ «Народное хозяйство России, – говорилось в ней, – было унаследовано трудовыми и эксплуатируемыми массами после октябрьских дней в состоянии такого разорения, что на восстановление его потребуется более или менее продолжительный промежуток времени, – прежде чем трудовые и эксплуатируемые массы населения почувствуют благо социального равенства.

Наоборот, контрреволюционная попытка вооружённого разгрома Советской власти, предательство украинской буржуазной Рады, отдавшей богатства южных Республик на расхищение германцам, полугодовой саботаж деятельности Советской власти контрреволюционными элементами, всё это, при условии не закончившейся ещё ликвидации старых капиталистических отношений, должно было внести некоторое ухудшение в положение отдельных рабочих групп и демобилизованных солдат.

Это мы наблюдаем в увеличении количества безработных, в возрастающем недостатке продуктов первой необходимости, в ухудшающемся состоянии транспорта.

Во избежание того, чтобы это ухудшение не отразилось самым тяжёлым образом на наиболее нуждающихся слоях населения, в интересах наиболее справедливого распределения всех продуктов первой необходимости, а также в целях рационального использования живых и механических производительных сил, Ростово-Нахичеванский Совет рабочих депутатов объявляет гг. Ростов и Нахичевань Трудовой Коммуной.

Совет вручает Исп. Ком. Совета полное право распоряжения всеми пред-

обходимость такого шага. Проведение практических мероприятий, связанных с её реализацией, поручено были исполкому Совета и лично чрезвычайному коменданту.

Васильченко в оставшиеся дни успел отдать ряд приказов, нацеленных на реализацию идеи коммуны. Смысл их был в том, чтобы заставить буржуазию работать на оборону города, одеть и вооружить за её счёт советские войска. Декретировалось введение трудовой повинности, в том числе и для буржуазии. Позже на организацию общественных работ было выделено 3 млн рублей. Организовывались пункты общественного питания.

Всё это по большей части так и не было реализовано. «...План был намечен, декретирован, – пишет И.П. Борисенко, – но действительность оказалась неподготовленной к нему. Слишком трудны были условия для выполнения такой чрезвычайно сложной централизованной системы организации всего процесса производства и распределения, требовалась большая слаженность и чёткость работы всего аппарата Советов и партийных организаций, большие материальные средства, чтобы охватить «всё». А как раз этого всего и не было, и план оказался неосуществимым».

Главное же заключалось в ином. То, что Советы в городе доживают последние дни, для многих было уже очевидно. Тратить в этих условиях энергию и немалые материальные ресурсы на заранее обречённые на провал громоздкие начинания казалось верхом безрассудства. К тому же, сама направленность метами потребления, кому бы они ни принадлежали, за исключением Советских учреждений.

Совет поручает комитету организацию общественных работ, привлечение к производительному и обще-полезному труду, декретирует самое широкое право организации жизни на общественных началах, ставит в обязанность создание дешёвых питательных пунктов.

Все рабочие организации призываются к содействию Исп. Комитету Коммуны и выполнению его требований».

Любопытно, что к резолюции представителями кооперативных потребительских лавок сразу же была внесена поправка о том, чтобы кооперативные учреждения не включались в состав коммуны, и на их имущество декларируемое обобществление не распространялось. Большинство голосов поправка была отклонена.

весьма сомнительных мероприятий, вызывала отторжение не только у имущих слоёв населения, но и у части рабочих и даже советских работников.

На одном из последних собраний большевиков Васильченко делал доклад о привлечении буржуазии к общественным работам. В своём выступлении он сообщил, что редактор «Известий Ростово-Нахичеванского Совета М.И. Равикович самовольно задержал публикацию приказа № 4 о всеобщей трудовой повинности. В заключение Васильченко «предложил партийному собранию призвать тов. Равиковича к порядку и поручить ему этот приказ напечатать».

Однако большинство присутствующих признало действия Равиковича правильными, а приказ Васильченко «несвоевременным и не отвечающим постановлениям Исполнительного Комитета». В итоге прошло предложение, поручить Комитету разработать новый план введения всеобщей трудовой повинности. Впрочем, в условиях уже начинавшейся эвакуации какого-либо значения это уже не имело.

И волей-неволей приходится сделать следующий вывод. Даже будучи частично реализованным, введение коммуны могло улучшить ситуацию лишь на тот короткий срок, пока остающиеся ещё хозяева торгово-закупочных кооперативов и кустарных предприятий не сообразили, что все их товары и продукция в самом скором времени неизбежно будут конфискованы. Едва были изданы соответствующие приказы, они поспешили свернуть коммерцию и избавиться от всего движимого имущества. Вскоре реквизировать было уже нечего. И то, что отряды анархистов вынуждены были переключиться с мелких хозяйчиков на организации, подобные «Румчероду», вовсе не случайно. Любопытно, что их командиры поняли, к чему идёт дело, куда раньше провозглашения коммуны. Надвигающуюся катастрофу предотвратило лишь скорое падение Советов. И пали они не в результате плачевного состояния экономики.

10(23) апреля на том же заседании Совета, которое декларировало организацию коммуны, С.И. Сырцов делая доклад о

военном положении Донской республики, в частности, сказал: «Только что мы одержали победу над контрреволюцией в Новочеркасске. Это возможно было сделать только оттого, что обстоятельства нам благоприятствовали... У противника не было реальной силы, не было руководителей, так как офицерство бежало за 8 часов до сдачи Новочеркаска.

Но при всём при этом мы не могли действовать с лёгкостью только потому, что наши войска не на высоте своего положения. Надёжные были части, составленные из рабочих Александрo-Грушевска...»

Эти слова наглядно свидетельствуют: понимание того, что в прямом столкновении с немцами шансы советских войск оптимизма не вызывают, постепенно у советского руководства оформилось⁴⁵⁰. «Как видим, – комментирует доклад Сырцова И.П. Борисенко, – состояние Красных войск признавалось неважным. Если они, конечно, могли бы справиться с одной внутренней казачьей контрреволюцией, несмотря на элементы разложения, потому что соотношение и классовых и военных сил в Республике к концу апреля было на стороне Советов, то выдержать удары регулярной Германской армии они, конечно, были не в силах...»

Поэтому директивное требование Совнаркома, немедленно начать с немцами переговоры, было встречено, по крайней мере, частью советского руководства с полным пониманием. И наряду с непрекращающимися призывами к «революционной войне», Чрезвычайный штаб предпринял конкретные действия, направленные на её предотвращение.

По поручению ЦИК Донской республики для переговоров с немцами к фронту выезжала делегация во главе с председателем Донского СНХ В.М. Бажановым⁴⁵¹. Позже, 14(27) апреля из

⁴⁵⁰ В отправленной в Москву телеграмме Г.К. Орджоникидзе сообщал: «...германцы, несмотря на все принятые меры, границы перешли. Приняты самые энергичные меры для оказания противодействия, но возлагать на это большие надежды не приходится».

⁴⁵¹ «Тут произошёл, – вспоминает Антонов-Овсеенко, – характерный инцидент с делегацией Донправительства, проследовавшей (24 апреля) через ст. Харцызская для переговоров с немцами.

Прикрываясь от наседавших немцев, наши у ст. Харцызская взрывали

Таганрога была направлена группа членов Таганрогского совета во главе с А.К. Глушковым.

Если продвижение немцев и приостановилось, то ненадолго. Видимо командиры первой линии не считали возможным брать на себя решение политических вопросов, связанных с занятием Таганрога и Ростова, не согласовав его с высшим командованием. Всё это заняло определённое время.

Через несколько дней их передовые отряды приблизились к Таганрогу и здесь неожиданно для себя натолкнулись на ожесточённое сопротивление⁴⁵². К этому времени в городе и окрестностях скопилась значительная группировка советских войск. Сюда отступили от Иловайской часть сил 1-й и 2-й Украинской армий и отряды, сохранявшие верность ЦИК Ук. Кроме того, многочисленная Красная гвардия была полна решимости, отстоять город.

Советские войска заняли позиции на линии Николаевка – Кошкино – Самбецкая, западнее Таганрога, и выдержали бой с подтянутой немцами 20-й Баварской дивизией. «С нашей стороны, – пишет Антонов-Овсеенко, – действовали до 5000 пехоты, немного кавалерии, до 20 лёгких орудий, 4 шестидюймовых и 4 бронеавтомобиля. Бой тянулся весь день 1 мая. К 16 часам к немцам подошли большие подкрепления. Наши вынуждены были отступить к ст. Морской и сел. Мурза. В этом бою особо

путь. Председатель мирной делегации Бажанов дал непосредственно командиру сводного полка телеграмму с категорическим требованием не портить путей на территории Донреспублики. В противном случае будет вызваны казаки для разоружения полка... Телеграмма эта не изменила поведения частей 1-й армии...

1 мая в Ростове вспыхнуло восстание, – белые напали на нашу демонстрацию. Порядок был водворён кавалерией т. Беленковича. Но белогвардейцы, видимо, готовились к новому выступлению...

В тот же день на заседании ЦИК Донской республики делала доклад о переговорах с германским командованием мирная делегация т. Бажанова: начальник германской дивизии, ссылаясь на отсутствие указаний от высшего командования, отказался вести переговоры, заявив, что имеет приказ занять ст. Иловайскую и займёт её. Всё же своё наступление к Таганрогу несколько придержал...»

⁴⁵² Начальником обороны Таганрога был назначен А.М. Беленкович, человек энергичный и решительный.

отличился сформированный в Таганроге полк т. Каски⁴⁵³. Командир полка погиб, и почти весь полк (2200 штыков) был истреблен...

К вечеру 1 мая немцы заняли гор. Таганрог...»

К этому времени эвакуация Ростова шла полным ходом. И всё же власти ещё надеялись, что смогут убедить немцев остановиться. По предложению В.С. Ковалёва утром 18 апреля (2 мая) Донской ЦИК отправил в занятый немцами Таганрог новую делегацию, в состав которой входили сам Ковалёв, Г.К. Орджоникидзе и ещё один представитель ЦИК. У станции Армянской делегация была задержана немецким патрулем, обезоружена и отправлена в Таганрог. Там делегаты заявили протест против своего, по сути, ареста. Позже, отправляя делегацию обратно, немцы личное оружие вернули.

Как свидетельствует Антонов-Овсеенко, тем же вечером Орджоникидзе вернулся и сообщил⁴⁵⁴, что Ковалёв вскоре прибудет на заседание ЦИК, а с ним, – германский генерал, уполномоченный вести переговоры. Причём этот генерал в предварительной беседе предлагал, якобы, впустить его войска в город без сопротивления, гарантируя «неприкосновенность» Советской власти и Красной гвардии. Помимо этого немец заявил делегатам, что, в ожидании директив своего главного командования готов на два дня приостановить наступление на Ростов.

Вскоре Ковалёв прибыл, но германского генерала с ним не было. Так или иначе, но немцы не предпринимали попыток занять Ростов в течение ещё нескольких дней. Впрочем, не ис-

⁴⁵³ Лишь по отрывочным сведениям, приводимым Антоновым-Овсеенко, мы можем судить об этом, безусловно, неординарном человеке, обладающим твёрдым и сильным характером и на деле доказавшим способность идти до конца.

⁴⁵⁴ В экстренном утреннем выпуске «Донских известий» (№ 29 от 04.05.18.) о переговорах сообщалось следующее: «...на вопрос, чем объяснить появление германских войск на территории Донской Республики, входящей в состав РСФСР, которая заключила Брест-Литовский мир с Германией, германский генерал ответил, что Украинское правительство пригласило их на помощь, восстановить границы Украинской Республики. Как же определяют эти границы – ему неизвестно. Он имеет приказ занять Ростов, как пункт важный в стратегическом отношении. Занимать Ростов они не торопятся».

ключено, не желая терять людей, немецкое командование ожидало, когда советские войска покинут город сами.

На объединённом заседании ЦИК Донской республики и исполкома Ростово-нахичеванского Совета уже глубокой ночью принято было решение о создании эвакуационной комиссии, которая лишь упорядочила успевший набрать обороты процесс эвакуации.

8.10. ВЫСТУПЛЕНИЕ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

То, что отдельные советские учреждения покидают город, не укрылось от глаз населения. Но заметили его и те, кто уже продолжительное время готовил в Ростове вооружённое восстание. Заметили и восприняли, как сигнал к немедленному выступлению⁴⁵⁵.

После ухода добровольцев в городе осталось немало людей, сочувствующих Корнилову. Сотни, если не тысячи, в той или иной степени, принимали участие в противостоянии. За два месяца их пристрастия вряд ли изменились. Осели в Ростове и тысячи боевых офицеров. Конечно же, втянувшись в мирную жизнь, обзаведясь хозяйством, а зачастую и кустарным производством, они и не думали, что вновь возьмут в руки оружие. Но пренебрежительные действия новых властей, массовые репрессии и расстрелы, в ряде случаев, без какого-либо разбирательства, разгул анархии заставили их пересмотреть свои взгляды. Многие посчитали, что нейтральными оставаться себе дороже.

С первых дней имели место случаи оказания помощи оставшимся в городе добровольцам и «чернецовцам». Раненых, несмотря на реальную угрозу для собственной жизни, укрывали. Иногородних – устраивали. Поначалу это были спонтанные действия случайных людей. Но со временем они находили друг друга. Устанавливались естественным образом связи, и, по

⁴⁵⁵ Обстоятельства последующего выступления приведены в статье «Конрреволюция в Ростове», подписанной Экке («Донская волна» № 11 от 19.08.18).